
ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Йунус Нади Шен

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 11719

Статья посвящена сравнительно-хронологическому анализу роли евразийской геополитической концепции в отношениях между Россией и Турцией в период после холодной войны. В данной работе анализируются причины конкуренции и динамики сближения в отношениях двух стран.

Ключевые слова: Россия, Турция, холодная война, Средняя Азия, Каспия, эргенекон.

Первая мировая война, разразившаяся в первой четверти XX в., чрезвычайно ослабила Российскую и Османскую империи, в результате чего большевики в октябре 1917 г. захватили власть в России, а в Анатолии турки во главе с Мустафой Кемалем начали борьбу за независимость против оккупационных властей и правительства Османской империи в Стамбуле. При этом политическая борьба большевиков с белыми (1), которые стремились воссоздать царскую Россию, привела к тому, что Россия очень быстро оказалась вовлеченной в жесткую гражданскую войну. Тот факт, что европейские страны поддерживали в этой гражданской войне белых, еще больше усилило вражду между большевиками и Европой (2).

То, что в это же время турки также боролись против европейских стран за обретение независимости, стало поводом для установления тесных взаимоотношений между русскими и турками с целью противостояния Европе. Этот неформальный альянс между Советским Союзом и Турцией наложил свой отпечаток на отношения между двумя странами, которые длились около тридцати лет вплоть до начала Второй мировой войны (3).

С другой стороны, в этот период не только большевики задумывались о том, как устоять России перед лицом угрозы Запада. Несмотря на то, что по некоторым вопросам сторонники концепции евразийства, целью которых было спасение России, имели одинаковые взгляды с большевиками, они заняли антибольшевистскую позицию, будучи убежденными в том, что социализм не является выходом для России (4).

Тем не менее взгляды евразийцев и большевиков на Турцию были очень похожи, так как обе группы являлись последователями Русской идеи, оце-

нивавшей роль турок в мировой политике с точки зрения отношений между Россией и Западом.

Евразийство – это философское движение, родившееся в среде русских иммигрантов-интеллигентов, которые поселились в Европе, спасаясь от гражданской войны, в сложный период, когда внутри страны дули ветры Октябрьской революции, а во всем мире царил кризис, рожденный Первой мировой войной.

Большинство современных исследователей дату возникновения евразийства связывают с появлением в 1921 г. в Софии коллективного труда основоположников нового идейного течения социополитической мысли под общим названием «Исход к Востоку. Предчувствие и свершения. Утверждение евразийцев» (5).

Название «Евразийство» происходит от географического наименования континента «Евразия» (6). Видными деятелями евразийства были известные ученые разных областей гуманитарного знания: филолог и культуролог Н.С. Трубецкой (1890–1938), историк П.Н. Савицкий (1895–1968), искусствовед П.П. Сувчинский, религиозный философ Г.В. Флоровский (1839–1979) и др. (7).

В соответствии с определениями Савицкого и Трубецкого, Евразия – это область, которая приблизительно совпадает с географической территорией Советского Союза (8). Евразийцами можно назвать ученых, отрицавших цивилизационную иерархическую структуру, в основе которой лежал европоцентризм, и защищавших идею, согласно которой цивилизация может развиваться за счет своих собственных движущих сил. Территориальные планы евразийцев охватывали пространство внутри границ царской России во времена ее процветания. Евразийцы серьезно критиковали социокультурные реформы Петра I, который взял за основу Европу (9).

В определении этнокультурной Евразии Трубецкого Турции не отводится большого значения по причине того, что она упоминается вместе с другими азиатскими странами, которые, по выражению большевиков, эксплуатируются Европой. То, что в написанном им труде Трубецкой говорит о России как о «наследнице Чингисхана» (10), можно также рассматривать как завуалированный ответ евразийцев на утверждения пантюркистов, что это же «наследие» принадлежит им. В 1925 г., когда Трубецкой писал это, турецко-советские отношения продолжали развиваться в неплохом темпе (11). Когда по окончании холодной войны появились опасения в отношении проведения Турцией политики пантюркизма, это привело к негативному восприятию новыми евразийцами роли Турции в Евразии.

В основе такого отношения представителей СССР к Турции в первую очередь лежат изменения, произошедшие в мировой политической конъюнктуре после Второй мировой войны.

Турция, которая посчитала, что проведенные Сталиным еще до начала войны переговоры Советского Союза с Англией и Францией закончатся созданием союза против Германии, накануне заключения договора между

СССР и Германией подписала союзный договор с Англией и Францией. Это можно рассматривать как первую крупную «трещину» в отношениях между Турцией и СССР. Турция, воздержавшаяся от объявления войны Германии, в конце войны столкнулась с притязаниями Сталина на проливы и на земли на северо-востоке Анатолии (12).

После Первой мировой войны быстро ухудшающиеся отношения Советского Союза с США и странами Западной Европы, а также разделение Европы на два идеологических противоборствующих блока привело к тому, что Турция, для того чтобы противостоять притязаниям Сталина, вошла в Атлантический блок (13).

Эта трансформация отношений, к которой привело разделение на два противоположных лагеря, еще больше усилилась, когда в 1952 г. Турция стала полноправным членом НАТО – организации, которая была создана для обеспечения общей защиты от Советского Союза (14).

То, что с точки зрения неоевразийства Турция превратилась в страну, представляющую угрозу геополитическим интересам Российской Федерации в регионе, тесно связано с изменениями, произошедшими по окончании холодной войны в традиционной политике Турции в отношении всего региона.

В биполярном мире холодной войны Турция обеспечивала свою безопасность, полагаясь на Запад и свое стратегическое значение, являющееся результатом членства в НАТО. Когда в 1989 г. Турция не смогла получить желаемого членства в ЕС, угроза потери влияния НАТО, являвшегося ее единственной сильной связью с Западом, вызвала беспокойство в политических и военных кругах (15). Можно сказать, что именно это беспокойство стало основным фактором, подтолкнувшим Турцию к пересмотру некоторых элементов своей традиционной внешней политики.

Вопрос «турок, проживающих за пределами Анатолии», которого прежде Турции намеренно удавалось избегать, стал важным элементом этой многосторонней внешней политики, начатой сразу же после окончания холодной войны.

После распада СССР, вслед за появлением новых независимых республик в Средней Азии, начали все чаще слышаться теоретические тезисы, что Турция, предложив свою политическую и экономическую систему в качестве «модели», которая укажет этим государствам новый путь, сможет изменить свое геостратегическое значение.

В результате поддержки со стороны западного блока, который опасался, что из-за появления геополитического вакуума после распада Советского Союза республики Средней Азии примут для себя политическую культуру, отождествляемую с шариатскими законами Ирана, Турция начала развивать всесторонние отношения с этими республиками, представляя модель страны, которая доказывает, что ислам, демократия, права человека и рыночная экономика могут сосуществовать (16).

Постепенно углубляющиеся отношения между Турцией и республиками Средней Азии стали причиной значительного воодушевления в политических

кругах Турции. Это одновременно привело к тому, что Турция стала играть в регионе новую для себя роль «старшего брата» (17). Однако эта позиция не только вызвала реакцию со стороны республик Средней Азии, который полагали, что им не нужен новый старший брат, но и породила в России и Иране серьезные сомнения относительно политики Турции в регионе (18).

В 1993 г. Россия начала применять во внешней политике «принцип соседства», что помогло ей быстро восстановить свое влияние на страны постсоветского пространства и убедило мировое общественное мнение в том, что геополитический вакуум в регионе заполнит сама Россия (19). Начиная с 1994 г. Россия, внедряющая принцип «соседства», являющийся результатом реалистичного геополитического подхода, лежащего в основе ее идейной философии, начала очень внимательно следить за политикой Турции в отношении энергетических ресурсов Средней Азии и Каспия.

Несмотря на атмосферу, в которой царили сомнения и недоверие в восприятии друг друга, государственные деятели, имевшие влияние на функционирование политических механизмов между Россией и Турцией, в отношениях на официальном уровне прибегали к осторожной риторике. Значительное влияние на это оказало то, что евразийство стало концепцией, влияющей на структуру российской дипломатии (20). Из-за лежащего в основе евразийской концепции стремления установить контроль и влияние в регионе, любой «участник», который пытался установить свое господство на постсоветском пространстве, становился для России источником беспокойства. В этом смысле, неудивительно, что активная политика, проводимая в данном регионе Турцией в этот период, сделала ее серьезной угрозой для России.

То, что Россия начала определять свою политику по отношению к странам постсоветского пространства в рамках «принципа соседства», породило первый важный результат с точки зрения российско-турецких отношений, который заключался в начале укрепления политических, военных и экономических отношений России со многими бывшими советскими республиками и параллельно этому – в осознании «хрупкости» сотрудничества между Турцией и тюркскими республиками (21).

Продолжающаяся с 1991 г. политическая борьба между азербайджанцами и армянами Нагорного Карабаха, фактически превратилась в армяно-азербайджанский конфликт при поддержке Арменией своих сородичей в Нагорном Карабахе. Турция с самого начала оказывала значительную политическую поддержку Азербайджану. Одна из причин проазербайджанской позиции Турции заключается в том, что вследствие различных исторических проблем отношения между Арменией и Турцией испорчены. Общественная реакция в Турции, которую вызвало массовое убийство армянскими вооруженными формированиями гражданского населения в азербайджанском городе Ходжалы в феврале 1992 г., незамедлительно вызвала опасения, что Турция может вмешаться в войну (22). После того как в апреле 1993 г. армяне захватили город Кельбаджар и открыли второй сухопутный коридор меж-

ду Арменией и Нагорным Карабахом, заявление Озала о том, что Турция будет оказать Азербайджану вооруженную помощь, вызвало реакцию в Москве, которая была выражена в виде предупреждения Турции о невмешательстве в дела Азербайджана. В то время как турецкие политические круги обсуждали ответную реакцию (23), перемирие, достигнутое благодаря вмешательству России в 1994 г., привело к тому, что Нагорный Карабах перестал быть решающим фактором российско-турецких отношений (24).

Армения, граничащая с Турцией и Азербайджаном, с каждым днем стала все больше и больше нуждаться в военной, политической и экономической помощи России и начиная с 1994 г. благодаря своему «принципу соседства» Россия смогла добиться желаемого результата на Кавказе. Этот успех также привел к результатам, которые были непосредственно связаны с безопасностью Турции. В марте 1995 г. две армянские базы были сданы Арменией в аренду России сроком на двадцать пять лет. Границы, находящиеся под защитой российских войск, представляли собой соседствующие с Турцией территории. Такое развитие событий привело к тому, что Турция увидела в лице России стратегическую угрозу на северо-востоке Турции (25).

К геополитической конкуренции, которая продолжалась между Турцией и Россией с 1994 г., добавился сильный элемент геоэкономической конкуренции. Энергетические ресурсы Каспийского моря представляли собой важное средство для осуществления странами этого региона независимых от России экономических и политических шагов. За счет доходов от продажи энергоресурсов эти страны, с одной стороны, привлекая к себе западные инвестиции, могли получить значительную экономическую свободу, а с другой стороны, благодаря прокладке трубопроводов по транспортировке нефти и природного газа через другие страны, кроме России, могли бы освободиться от ее экономического и политического давления (26).

Россия, которая в рамках евразийской концепции воспринимала эту возможность как угрозу своему влиянию в регионе, в течение длительного времени настаивала на исполнении определенного правовым статусом Каспийского моря требования эксплуатации энергетических ресурсов региона с общего согласия пяти прибрежных государств (России, Ирана, Азербайджана, Туркменистана и Казахстана) (27).

Для российско-турецких отношений, в свою очередь, стал важным маршрут, по которому должен был пройти основной трубопровод, используемый для транспортировки ресурсов на зарубежные рынки.

И здесь Турция, которая с 1993 г. предлагала проект строительства трубопровода, по которому азербайджанская нефть через Иран, Армению или Грузию будет доставляться в средиземноморский портовый город Джейхан, столкнулась с Россией, которая поддерживала идею транспортировки каспийской нефти на внешние рынки только через трубопроводы, протянувшиеся до Новороссийска.

В это же время проект строительства нефтепровода «БТД» благодаря поддержке турецкого проекта Алиевым, который начал видеть в российской политике соседства угрозу для независимости Азербайджана, а также поддержке по тем же соображениям со стороны Грузии, стал самым важным конкурентом трубопроводу «Баку–Новороссийск» (28).

То, что именно в этот период российско-американские отношения стали очень натянутыми из-за расширения НАТО на восток, и что в связи с этим США заняли протурецкую позицию в отношении строительства нефтепровода, также имело большое значение. Благодаря постоянно растущей политической и экономической поддержке США после 1997 г. Турция стала страной-кандидатом на роль «энергетического коридора». В этой связи становится понятным, почему с точки зрения евразийской концепции Турция рассматривалась как наиболее важный региональный геополитический соперник России (29).

Другой примечательной особенностью российского евразийства в постсоветский период являются экспансионистские устремления России, нацеленные на установление господства на постсоветской территории.

Именно эти устремления являются наиболее важным моментом, отделяющим новое евразийство от прагматичного евразийства. В то время как неоевразийство стремится посредством географической экспансии объединить страны бывшего Советского Союза с Россией и создать новую Российскую империю, прагматичное евразийство отстаивает политическую концепцию, направленную на то, чтобы эти страны на первый взгляд выглядели независимыми, но на практике зависели бы от России в политическом, экономическом и военном плане.

Когда в 1992–1994 гг. Турция стала использовать идею общности тюркских народов, российские власти начали беспокоиться, что Турция проводит в регионе политику пантюркизма, которая напоминает политику, проводимую в прошлом. Лозунг, провозглашенный в те времена Демирелем «Тюркский мир от Адриатики до Великой Китайской Стены», стал причиной беспокойства России (30).

Турция с самого начала на официальном уровне через самых авторитетных лиц неоднократно отвергала обвинения правительства России и представителей неоевразийства в пантюркизме. Так, Демирель в своих выступлениях на разного рода мероприятиях неоднократно подчеркивал, что Россия проявляет чрезмерную мнительность относительно пантюркистских высказываний Турции, а также утверждал, что страны, имеющие общую историю, язык, культуру и религию, периодически встречаются, и к этому нужно относиться как к естественному явлению, а данная дипломатическая линия, по словам Демиреля, указывает на прагматичную политику, нацеленную на укрепление сотрудничества между странами региона (31).

Одной из проблем, являющихся причиной напряженности во взаимоотношениях между Россией и Турцией, стала проблема Чечни. То, что столк-

новений между чеченцами, желающими после распада Советского Союза получить независимость, и российскими военными становилось все больше, в результате чего в Турции сформировалась масштабная волна оппозиции против России, а также тот факт, что некоторые граждане Турции добровольцами отправились в Чечню для борьбы с Россией, привело к возникновению в российско-турецких отношениях напряженной атмосферы, полной серьезных сомнений в отношении друг друга. Когда в январе 1996 г. чеченские активисты напали на паром «Евразия», следующий из Трабзона в российский порт Сочи, и взяли в заложники пассажиров и членов экипажа, эта проблема стала одной из основных тем повестки дня в отношениях между Россией и Турцией (32).

Неоевразийцы использовали это для того, чтобы с целью противодействия политике Турции вмешаться в курдский вопрос, который в 1990-х гг. стал одной из наиболее важных проблем как в национальной, так и в международной сфере. Национальный освободительный фронт Рабочей Партии Курдистана в международных сферах провел так называемое заседание Курдского парламента в здании, принадлежащем российской Думе. Несмотря на все возражения Турции, отношения между Думой и РПК продолжались вполне открыто до тех пор, пока глава курдских сепаратистов Абдуллах Оджалан не был задержан турецкими службами в октябре 1998 г. в Кении (33).

В отличие от думской оппозиции российское правительство под руководством Примакова приложило большие усилия к тому, чтобы эта проблема не превратилась в кризис в отношениях между Россией и Турцией. В результате приложенных Примаковым усилий Оджалан даже был вынужден покинуть Россию, а российские власти пытались успокоить негативную реакцию Турции, утверждая, что это событие произошло без их ведома (34).

Коротко говоря, инцидент с Оджаланом можно рассматривать не только как важный пример проверки российско-турецких отношений, но и как событие, указывающее на разницу подходов нового и прагматичного евразийства к внешней политике России.

Постсоветское российское евразийство возникло как проявление историко-геополитического наследия, сформировалось в качестве концепции, выдвинутой Россией для решения возникшей после холодной войны проблемы «самоидентификации», и, хоть и не во всех аспектах, стало выступать в качестве официальной идеологии внешней политики России.

Осознание существования школы евразийства в Турции произошло в конце 90-х гг. Несмотря на то, что периодически возникали утверждения, что Турция скорее должна создать геополитический блок с бывшими советскими тюркскими республиками, а также Ираном, Пакистаном и Китаем, чем с ЕС и США, сложно сказать, что в то время такого рода идеи имели серьезный отклик в Турции (35).

Открытие российского понимания евразийства произошло после подписания во время визита премьер-министра России Черномырдина соглашения

на осуществление проекта «Голубой поток» по транспортировке российского природного газа в Турцию.

Эта встреча получила неоднозначную оценку.

Говорили, что Россия, воспользовавшись результатами Люксембургского саммита ЕС 12–13 декабря 1997 г., «разыграла свою карту». Турция, с 1959 г. ожидавшая положительного решения о признании себя кандидатом в ЕС, на этом саммите в очередной раз получила отказ. Кандидатами на вступление в ЕС были приняты страны, не превосходящие Турцию по уровню развития, а также на более 10 лет тому назад состоявшие в Восточном блоке, что вызвало резко негативную реакцию как общественных, так и в политических кругах (36).

Как становится понятным из выступления Демиреля на открытии Великого Национального Собрания в сентябре 1994 г., который сравнил Турцию с «воротами», которые позволят Европе и США укреплять взаимоотношения со странами Южного Кавказа и Средней Азии, Евразия, с точки зрения турецких политиков, рассматривалась в качестве инструмента, который поможет интеграции Турции в Европу (37).

Укрепление отношений России с другими странами в регионе как посредством подписания двусторонних соглашений, так и через региональные организации по сотрудничеству является еще одним важным проявлением российского евразийства (38).

В рамках этого принципа Россия в течение 1990-х гг. подписала двусторонние соглашения с Ираном, Китаем и республиками Средней Азии в области экономики, торговли, энергетики и безопасности. Совет по сотрудничеству прикаспийских стран, созданный в 1992 г. под руководством Ирана и России с целью развития транспорта и торговли между пятью прикаспийскими государствами, а также саммиты с участием России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, которые начали регулярно проводиться начиная с 1996 г. и позже привели к созданию ШОС, являют собой примеры прагматичной стороны постсоветского российского евразийства (39).

Что касается создания СНГ, то эта организация, по сути, была создана для того, чтобы гарантировать, что бывшие республики Советского Союза разделились мирно. Российское евразийство, в свою очередь, рассматривало СНГ в качестве инструмента для укрепления политического и экономического влияния России на эти республики.

Среди усилий, которые были приложены для конкретного воплощения этой цели, можно назвать Договор о коллективной безопасности, подписанный в 1993 г. и направленный на создание системы совместной обороны между странами-участницами, а также Договор о создании таможенного союза, подписанный в 1996 г. и позднее получивший название ЕврАзЭС. Развитие отношений между Россией и евразийскими странами положительно сказалось и на российско-турецких отношениях, и благодаря этому импульсу Россия заняла второе после Германии место во внешней торговле Турции (40).

В ходе многочисленных двухсторонних официальных визитов, осуществленных в 1990-е гг., между двумя странами были подписаны соглашения о сотрудничестве в области технологий и в военной области. Турция даже стала первой страной НАТО, купившей у России оружие.

Соглашение о строительстве газопровода «Голубой поток» по транспортировке российского природного газа в Турцию по дну Черного моря сразу же выдвинуло на передний план энергетическое сотрудничество в двухсторонних отношениях (41).

Однако с точки зрения общего хода отношений между Турцией и Россией региональное сотрудничество осталась в тени геополитической конкуренции и других политических разногласий между странами.

Одним из наиболее важных примеров, доказывающих это утверждение, является договор о продаже ракет С-300, подписанный Россией с Южным Кипром в 1997 г. Так как эти ракеты должны были разместиться на юге Кипра, угрожая тем самым значительной части территории Турции, проблема мгновенно переросла в политический кризис между Россией и Турцией (42). Турция заявила, что в случае размещения ракет на острове она может ударить по ракетноносцам, и даже начала останавливать проходящие через Турецкие проливы российские торговые суда и проводить обыск. Россия, заявившая, что единственным условием для расторжения договора является полное освобождение острова от военных, не смягчила данный конфликт (43). Этот кризис показывает, что, когда речь идет о таких разногласиях, как кипрская проблема, коммерческая деятельность между двумя странами может приобретать политический характер (44).

Одной из инициатив в области регионального сотрудничества, которая привлекает особое внимание, является Организация черноморского экономического сотрудничества, которая была создана в июне 1992 г. благодаря значительным усилиям Турции и России.

Однако этот проект, который теоретически имеет достаточный потенциал для обеспечения коммерческой стабильности, за исключением некоторых технических вопросов, не смог превратиться в эффективную с точки зрения российско-турецкого регионального сотрудничества платформу (45).

Одновременно с фокусированием российско-турецкой геополитической конкуренции на разногласиях по вопросам транспортировки региональных энергоресурсов в регионе появились новые области поляризации. Когда в 1995 г. возрос интерес США к каспийским энергоресурсам, это привело к усилению политических, экономических и военных отношений между Россией, Ираном и Арменией, которые выступали против данного проекта (46).

В период накануне второй военной операции России в Чечне, а также в период осторожного сближения между Россией и Турцией президентом Российской Федерации стал Владимир Путин. Несмотря на то, что запад резко отреагировал на военное вмешательство России в Чечне, Турция назвала это

внутренней проблемой России, создав тем самым более позитивную картину отношений, чем это было в прошлом (47).

Несмотря на выступления Запада против проводимой Россией операции, премьер-министр Эджевит во время своего визита в Москву отметил, что чеченская проблема является внутренней проблемой России, и подписал Декларацию о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом. Это стало важным показателем решительности в направлении укрепления российско-турецких отношений (48).

Сближение, наблюдаемое в двухсторонних отношениях между странами, указывает на прагматичную сторону евразийства, которое берет за основу региональное сотрудничество. Действительно, эта точка зрения подтверждается и тем, что визит министра иностранных дел С. Иванова в Анкару в июне 2001 г. был практически полностью сконцентрирован на сотрудничестве в сфере энергетики, оборонной промышленности и экономики (49).

В этот же период другим важным шагом в области регионального сотрудничества стало фактическое создание в апреле 2001 г. Черноморской группы военно-морского сотрудничества (BLACKSEAFOR), в которую вошли Турция, Россия, Украина, Болгария, Румыния и Грузия. Эта организация по военно-морскому сотрудничеству между военно-морскими силами черноморских стран в области поиска-спасения, защиты окружающей среды, траления мин стала первым сотрудничеством в военной сфере за более чем пятисотлетнюю историю политических отношений между Турцией и Россией (50).

В этот период в связи с проблемами в ходе присоединения Турции к ЕС евразийство, пусть и не на правительственном уровне, но в глазах общественного мнения Турции, начало приобретать антиевропейский характер. Эта ситуация, несомненно, напрямую связана с тем, что, для того чтобы начать переговоры о членстве Турции в ЕС полномочные лица ЕС озвучили такие требования, как осуществление образования на курдском языке, отказ от смертной казни и решение кипрской проблемы.

За идею о необходимости развития «оси Москва–Тегеран» в противовес ЕС высказывались также некоторые известные своим осторожным отношением к участию Турции в ЕС круги Турецких вооруженных сил (51). Однако сразу же после этих заявлений начальник Генерального штаба сообщил о том, что Турция продолжит добиваться членства в ЕС, и с геополитической точки зрения не будет вести поиск альтернативных ЕС союзов с Россией или Ираном.

После 2003 г. евразийство в Турции начало постепенно приобретать антиамериканскую направленность. В этот период, когда дебаты вокруг евразийской концепции стали все чаще выходить на повестку дня, в Турции прошли выборы, которые вызвали достаточно важные изменения в политической картине Турции (52).

Видение внешней политики новым правительством Турции сконцентрировалось на необходимости решения двухсторонних проблем со всеми

соседями, увеличения политической активности в региональных и глобальных вопросах и, таким образом, превращении в «центральную страну» в Евразии, а соответственно, и в мировой политике (53).

Это значение, которое правительство придало Евразии и геополитике, привело к тому, что некоторые писатели стали говорить об осуществлении неоосманской концепции евразийства.

Однако сохранение позитивного характера российско-турецких отношений и отсутствие действий, которые могли бы беспокоить российское правительство, является важным показателем того, что комментарии относительно «неоосманства» были чрезмерно раздутыми.

Самым главным вопросом в российско-турецких отношениях, который дал о себе знать, особенно в конце 2002 г., стала планируемая США военная операция в Ираке. Россия открыто выступила против военного вмешательства США в Ираке. Обращает на себя внимание также и тот факт, что во время московской встречи двух лидеров Путина и Эрдогана в декабре 2002 г. оба подтвердили единство мнений относительно необходимости мирного разрешения иракского кризиса (54).

Если резюмировать события в рамках российско-турецких отношений в этот период, то необходимо подчеркнуть, что оба государства пытались прийти к определенному соглашению по различным региональным и глобальным политическим вопросам. Это стремление к взаимопониманию в первую очередь было сконцентрировано на Кавказском и Среднеазиатском регионе, и в 2003 г. после военной интервенции США в Ираке взаимоотношения между двумя странами стали развиваться еще активнее. Несмотря на все политические возражения, в марте 2003 г. США осуществили военное вторжение в Ирак. В результате голосования в Великом Национальном Собрании Турции, состоявшегося 1 марта 2003 г., было принято решение об отказе в разрешении на нахождение на территории Турции иностранных военных, в результате чего планы правительства США об открытии северного фронта были «похоронены» (55).

Отказ Америке от турецкого правительства был с одобрением встречен, в первую очередь, В. Путиным, а также российскими политическими кругами (56).

В этой ситуации важную роль сыграли растущие антиамериканские настроения, а также значительные изменения во взглядах известного российского идеолога евразийства А.Г. Дугина на Турцию. В результате произошедших событий Дугин отметил, что положение Турции в рамках евразийского проекта можно рассматривать со значительно более позитивной точки зрения, еще раз продемонстрировав тем самым, как быстро он может менять свои политические взгляды в угоду существующей мировой и геополитической конъюнктуре. Дугин, который приехал в Турцию и выступил на конференции, организованной в Стамбульском университете, сказал, что в ответ на вторжение США Турция и Россия должны действовать с позиции евра-

зийской концепции, а в ответ на планы Запада объединить Кипр необходимо поддерживать Президента ТРСК Рауфа Денкташа (57).

Большую роль в том, что Дугин изменил свое отношение, сыграл также план, который был предложен в ноябре 2002 г. Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, в основе которого лежала идея объединения Кипра по модели «два общества – одно государство», и который по ожиданиям должен был быть воплощен на Кипре в 2004 г. (58).

В апреле 2004 г. этот план был вынесен на референдум, проведенный в обеих частях острова. Однако, несмотря на то, что население Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) согласилось на объединение, жители греческой части острова отвергли предложенный план. Сразу же после того, как население греческого Кипра отвергло план объединения, Греческий Кипр в качестве представителя всего острова стал в 2005 г. членом ЕС (59).

Военная оккупация США в Ираке вместе с планом Аннана стали основными факторами, объединившими на основе антагонизма по отношению в США и ЕС националистские группы в Турции, которые с самого начала активно интересовались концепцией евразийства. В этом контексте следует обратить особое внимание на то, что возникшая в связи с этим организация, названная «Красное яблоко», провела в феврале 2003 г. на ТРСК огромный митинг, который стал реакцией на попытки США и ЕС объединить остров и который был организован в поддержку подхода «два общества – две части», выдвинутого президентом ТРСК Р. Денкташем (60).

Впервые через 32 года после визита Подгорного в 1972 г. российский президент В. Путин посетил Анкару с официальным визитом. В ходе этого визита особое внимание обращает на себя тот факт, что о российско-турецких отношениях уже говорят как о многостороннем сильном партнерстве (61). Сразу же после визита Путина в Анкару в январе 2005 г. Москву посетил Эрдоган, а в июле 2005 г. оба лидера снова встретились в Сочи.

Эти визиты, которые практически прошли один за другим, указывают на то, что подходы обеих стран к региональным и мировым политическим вопросам в этот период были очень близки (62). Отражающим единство понимания различных проблем обеими странами, является то, что в мае 2005 г. в результате того, что Россия проголосовала «против», а Турция воздержалась, заявка США на получение статуса наблюдателя в Ассамблее организации черноморского экономического сотрудничества была отклонена.

В 2006–2008 гг. начали появляться разногласия относительно трубопроводов по транспортировке энергоресурсов, и эти проблемы негативно отразились на развитии двухсторонних отношений (63). Из-за разногласий по поводу цены в январе 2006 г. Россия прекратила подачу природного газа в Украину. В ответ на это Украина, используя ту часть трубопровода, которая проходит через ее территорию и доставляет газ в европейские страны, создала трудности при поставке газа в Европу (64). После преодоления украинского кризиса страны ЕС, для того чтобы снизить свою энергетическую за-

висимость от России, начали активно обсуждать проекты строительства альтернативных трубопроводов для транспортировки энергоресурсов.

Самым важным из этих проектов стал проект «Набукко», предварительное соглашение по которому было подписано в 2002 г. Этот проект, который стал альтернативой проектам, предлагаемым Россией, предусматривает строительство трубопровода, который позволит транспортировать природный газ из Ирана, Азербайджана и Туркменистана через Турцию, Болгарию, Румынию и Венгрию в Австрию (65).

Помимо этого наряду с развитием проекта «Набукко» следует также упомянуть об официальном открытии в июле 2006 г. нефтяного трубопровода «БТД», который стал одним из наиболее ярких примеров сотрудничества между Турцией и США против России. Более того, в тот же период было принято решение о присоединении к проекту БТД Казахстана, а также начали предприниматься шаги по ускорению воплощения проекта по строительству Транскаспийского газопровода, который планировалось провести по дну Каспийского моря. Все эти важные события изменили ситуацию на международном рынке энергоресурсов.

В ответ на это российское правительство отрицательно отнеслось к предложенному Турцией проекту по строительству нефтепровода «Самсун-Джейхан». Кроме этого, в 2006 г. Россия снова подняла тему строительства нефтепровода «Бургаз-Дедеагач» в обход Турецких Проливов, являющихся основным маршрутом российских нефтяных танкеров.

Этот проект, который предполагает транспортировку российской нефти танкерами из Новороссийска в порт Бургаз, а отсюда посредством нового строящегося нефтепровода – в Дедеагач в Греции, по сути, способен ослабить притязания Турции на то, чтобы стать энергетическим «терминалом» (66). В мае 2007 г. Россия, Казахстан и Туркменистан подписали предварительное соглашение о строительстве нового трубопровода, который будет доставлять туркменский природный газ, являющийся основой проекта «Набукко», через Казахстан в Россию. Это соглашение даже называли в турецкой прессе того периода концом «Набукко» (67).

Если рассмотреть все эти события с точки зрения дебатов вокруг евразийства, то можно заметить, что в связи с быстро набирающим темпы соперничеством между двумя странами в области энергоресурсов распространение получили идеи о том, что энергетическая политика России представляет собой риск для Турции.

Волнения во внутренней политике Турции и объявление в апреле 2007 г. о выдвижении Абдуллы Гюля в качестве кандидата на пост президента от Партии справедливости и развития вызвало бурную реакцию в кругах лаицистов, уже давно утверждавших, что Партия справедливости и развития (ПСР) является «исламской». В результате этого беспокойство относительно того, что господство ПСР в законодательной и исполнительной власти может представлять собой угрозу для светского строя Турции, объединило эти

круги вокруг националистических высказываний и тезисов. Политические события, которые сконцентрировались вокруг борьбы демократов-консерваторов и националистов, начавшей набирать темпы в середине 2007 г., естественно, оказали влияние на обсуждение турецкой внешней политики (68).

Несмотря на большое количество людей, участвовавших в митингах «Джумхуриет», на всеобщих выборах, состоявшихся в июле 2007 г., ПСР набрала большое количество голосов, составившее 47%, и в результате парламентского голосования Абдулла Гюль, являющийся кандидатом от ПСР, был избран на пост президента (69). При этом РНП, чья позиция со временем стала еще более националистической, набрала всего 19%, что вызвало глубокое разочарование в националистически настроенных кругах (70).

В период после победы ПСР начался процесс «очищения» вооруженных сил Турции от кругов, поддерживающих сближение Турции с блоком Россия–Иран–Китай. Самой важной частью этого процесса «очищения» стало то, что в результате расследования, начатого после обыска в одном из домов в Стамбуле в июне 2007 г., были обнаружены доказательства существования организации «Эргенекон», обвиняемой в том, что она прилагала усилия, чтобы незаконными способами свергнуть правительство ПСР (71).

Обнаруженные по этому делу доказательства свидетельствуют о том, что некоторые военные и вышедшие в отставку генералы Турецких вооруженных сил тайно сотрудничали с националистическими кругами, стремящимися низложить правительство ПСР. Среди тех, кого прокуратура в рамках следствия арестовала и/или взяла под наблюдение, оказались военные и политические деятели, известные своей приверженностью к концепции евразийства. Это свидетельствует о том, что организация «Эргенекон» была связана с кругами, защищающими в Турции концепцию евразийства (72).

Эта связь не ускользнула и от внимания турецкого общественного мнения, в результате чего евразийство начало рассматриваться как отражение авторитарных и антидемократических идей организации «Эргенекон» и, соответственно, стало осуждаться. Как показывают все эти события, с 2008 г. евразийство начало быстро терять к себе позитивный интерес, существовавший еще несколько лет назад в Турции, и превращаться в вызывающую антипатию теорию, которая отождествляется с переворотами.

В результате этого, несмотря на то, что евразийство широко обсуждается в Турции и поддерживается националистическими кругами, нельзя сказать, что общественное мнение, правительство и армия рассматривают эту концепцию в качестве альтернативы взаимоотношениям Турции с США и ЕС.

По сути это связано с тем, что в отличие от РФ евразийство в Турции никогда не имело сильной исторической и философской основы. Если взглянуть с прагматической точки зрения, то евразийство для Турции было не более чем конъюнктурной политикой. Более детальное изучение политики правительства ПСР в отношении России свидетельствует, что эта политика имеет тактическую цель, которая, в свою очередь, сфокусирована на

экономической и торговой областях и иногда используется в качестве политического козыря против США и ЕС.

В комбинации политических отношений, сложившихся на евразийской территории после Холодной войны, Турция является для России одной из самых важных региональных сил с точки зрения исторического наследия и стратегического положения. В то время как в 1990-е гг. в результате пересечения интересов России и Турции как на суше, так и на море между ними возникло напряжение, с начала 2000-х гг. эта напряженность либо спала, либо изжила себя, и между двумя странами началось масштабное сотрудничество. Это позитивное изменение во взаимоотношениях является доказательством существования у «геополитической евразийской концепции» защитного рефлекса и прагматической природы, которая обладает потенциалом для сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Белое движение – военно-политическое движение разнородных в политическом отношении сил, сформированное в ходе Гражданской войны 1917–1923 гг. в России с целью свержения советской власти. Белое движение было крупнейшей антибольшевистской военно-политической силой во время Гражданской войны в России и существовало наряду с другими демократическими антибольшевистскими правительствами, националистическими сепаратистскими движениями на Украине, Сев. Кавказе и в Средней Азии. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. – С. 74.
- (2) Евразийство (Формулировка 1927) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. – С. 227.
- (3) Справка о политической обстановке, в которой был подписан договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией от 16.03.1921 // АВП РФ. – Ф. 0132. – Оп. 366. – П. 325. – Д. 1. – Л. 1–14.
- (4) *Козлова Н.Д.* История России с древних времен до наших дней. – М.: Просвещение, 2010. – С. 369–418.
- (5) *Жданова Г.В.* Идеино- политические течения Русского Зарубежья начала XX столетия // Вестник РУДН. Сер. Философия. – 2010. – № 3. – С. 66.
- (6) Там же.
- (7) *Мамонтов С.П.* Основы культурологии. – М.: Олимп, 1999. – С. 17.
- (8) *İmanov V., Erşen E.* Avrasya Konuşmaları: Medeniyet, Modernite, Kimlik. – İst.: Küre, 2010. – С. 17.
- (9) Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – С. 428.
- (10) *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингиз хана. – М.: Аграф, 1999.
- (11) <http://www.pravda.ru/world/asia/centralasia/11-12-2007/248234-turkey-0>
- (12) *Гасанлы Д.* СССР–Турция: от нейтралитета к холодной войне 1939–1953. – М.: Центр пропаганды, 2008. – С. 19.
- (13) *Saray M.* Sovyet Tehdidi Karşısında Türkiye'nin NATO'ya Girişi: III. Cumhurbaşkanı Celal Bayar'ın Hatıraları ve Belgeler. – Ankara, 2000. – S. 103.
- (14) *Гасанлы Д.* СССР–Турция: от нейтралитета к холодной войне... – С. 13.

- (15) *Davudoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. – İst.: Küre, Ocak 2010. – S. 493.
- (16) Inter Press Service, 12 февраля 1992.
- (17) *Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф.* Современные турецко-российские отношения: Проблемы сотрудничества и перспективы развития. – Н. Новгород, 2004. – С. 90–104.
- (18) Турецкая Республика. Справочник. – М.: ИИИиБВ, 2000. – С. 105.
- (19) *Davudoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu... – S. 472.
- (20) *Колобов О.А.* Современные турецко-российские отношения... – С. 274–278.
- (21) *Erşen E.* Sovyet Sonrası Rus Avrasyacılığı. / Basılmamış doktora tezi. – İst.: Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2009. – S. 217.
- (22) Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar, Cilt II: 1980–2001 (2. Baskı), Editör: *Oran B.*, İletişim yay. – İst., 2001. – S. 544.
- (23) *Фредди де Пау.* Политика Турции в Закавказье // Спорные границы на Кавказе. – М.: Весь мир, 1997. – С. 45.
- (24) *Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф.* Современные турецко-российские отношения... – С. 202.
- (25) *Erşen E.* Sovyet Sonrası Rus Avrasyacılığı... – S. 233.
- (26) *Koçgündüz L. M.* Hazar Bölgesi Enerji Politikaları, Dünya Çatışmaları Çatışma Bölgeleri ve Konuları, Edit.: *Kemal İnat, Burhanettin Duran, Muhittin Ataman*, C. 1. – Ank.: Nobel yay., Ekim 2010. – S. 487.
- (27) *İbid.* – S. 489.
- (28) *Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф.* Современные турецко-российские отношения... – С. 153.
- (29) *Ersen E.* «The Impact of Baku-Tbilisi- Ceyhan Oil Pipeline on Turkey – U.S. Relations» // Turkish Review of Eurasian Studies. – Annual 3. – 2003. – P. 99–103.
- (30) Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar, Cilt II... – S. 388.
- (31) ИТАР ТАСС, 29 Сентября 1992.
- (32) *Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф.* Современные турецко-российские отношения... – С. 211–222.
- (33) Там же.
- (34) Там же. – С. 203.
- (35) *İlhan S.* Jeopolitik Gelişmeler ve Türk Dünyası, Avrasya Etüdüleri, C.2, Sayı 3, Sonb. 1995. – S. 36.
- (36) На саммите было принято решение о принятии Чехии, Словении, Румынии, Болгарии, Мальты, Прибалтики, и Кипра в члены ЕС.
- (37) http://www.belgenet.com/arsiv/demirel_tbm1994-01/html
- (38) *Aydın M. ve Özensel E.* Tarihın Sonu mu? F. Fukuyama v.d. – İst.: Vadi yay, 2003. – S. 214–216.
- (39) *Dartan M., Hatipoğlu E., Dikkaya M.* ECO Bölgesi: Uluslararası Aktörlerin Rolü ve Türkiye. – İst.: MÜ Avrupa Enst, 2002. – S. 43.
- (40) *Kazgan G. ve Ulçenko N.* Dünden Bugüne Türkiye ve Rusya: Politik, Ekonomik ve Kültürel İlişkiler. – İst.: Bilgi Ünivers. – Yayınları, 2003. – S. 156.
- (41) *Bacık G.* «The Blue Stream Project, Energy Co-operation and Conflicting Interests» // Turkish Studies. – Осень 2001. – Т. 2. – № 2. – P. 88.

- (42) <http://www/mfa.gov/tr/Turkce/grupc/ce/bakan3021298.html>
- (43) *Bakar İ.* Jeopolitik Yaklaşımlar Çerçevesinde Soğuk Savaş Sonrası Türk Yönelişleri // Basılmamış doktora tezi. – İst.: Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2006. – S. 101.
- (44) *Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф.* Современные турецко-российские отношения... – С. 136.
- (45) *Davudoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu... – S. 279.
- (46) Milliyet 26 Ocak 1999.
- (47) Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar, Cilt II... – S. 545.
- (48) *Bazoğlu S. D.* Turkish- Russian Relations: The Challenges of Reconciling Geopolitical Competition with Economic Partnership Turkish Studies. – Spring 2000. – Vol. 1. – № 1. – P. 59–82.
- (49) *Kınıklıoğlu S.* Türk- Rus İlişkileri: Kasyanov Ziyaretinin Anatomisi, Avrasya Dosyası, Cilt 6, Sayı 4, Kış 2001. – S. 155–164.
- (50) http://www.turkey.mid.ru/relat_2_t.html
- (51) Высказывания секретаря Совета национальной безопасности того периода Т. Кылыпча, сделанные им во время своего выступления в марте 2002 г. нашли широкий отклик среди общественного мнения. В частности он сказал: «ЕС отрицательно смотрит на интересующие Турцию вопросы... Я считаю полезным для Турции начать поиск перспектив, которые должны охватывать Россию и Иран».
- (52) Hürriyet, 4 Kasım 2002.
- (53) *Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф.*... – С. 65–80.
- (54) ИТАР ТАСС, 24 Декабря 2002 г.
- (55) Hürriyet, Milliyet, Sabah: 7 Temmuz 2003.
- (56) Например, В. Путин назвал решение турецкого парламента «событием недели», а некоторые российские аналитики назвали вынесенное решение об отказе одним из самых важных политических проигрышей правительства Буша. Radikal, 5 марта 2003 г.
- (57) <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1614>
- (58) *Иванова И.И., Зайцев И.В., Ульченко Н.Ю.* История и современное состояние Кипрского вопроса. Турция на рубеже XX–XXI веков. – М., 2008. – С. 42.
- (59) Там же.
- (60) *Erşen E.*... – S. 292.
- (61) Hürriyet Aralık, 2004.
- (62) *Külebi A.* The forgotten Option: Turkish Eurasianizm // <http://www.tusam.net/makaleler.asp>
- (63) *Иванова И.И., Зайцев И.В., Ульченко Н.Ю.* История и современное состояние Кипрского вопроса. Турция на рубеже XX–XXI веков. – М., 2008. – С. 32–51.
- (64) *Шен Й.Н.* Черноморские проливы и российско-турецкие отношения после холодной войны: Магистерская дисс. – М.: РУДН, 2011. – С. 108.
- (65) *Каныгин П. С.* Энергетическая безопасность ЕС и интересы России: Дисс. ... к.э.н. – М.: Ин-т Европы РАН, 2007. – С. 28–32.
- (66) *Шен Й. Н.* Черноморские проливы... – С. 89.
- (67) Cumhuriyet 15 Ekim 2007.
- (68) Radikal, 17 февраля 2007.
- (69) Zaman, 30 Haziran 2008.

(70) *Hürriyet*, 30 Temmuz 2007.

(71) *Zaman*, 25 Ocak 2008.

(72) *Erşen E. Sovyet Sonrası Rus Avrasyacılığı: Doktora tezi. – İst.: Marmara Üniv. SBE, 2009. – S. 309.*

**THE RELATIONS BETWEEN RUSSIAN FEDERATION
AND REPUBLIC OF TURKEY
IN THE CONTEXT OF EURASIAN GEOPOLITICAL CONCEPTION**

Y.N. Şen

World History Department
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the comparative-chronological analysis of the role of Eurasian geopolitical conception which have very deep historical roots of the relations between Russia and Turkey in the aftermath of the Cold War. In this research author analysed elements of competition, dynamics of approaching and their occurrence through the characteristics in the relations between two countries.

Key words: Russia, Turkey, Post soviet period, Central Asia, Caspia, Ergenekon.